

Удивительно дело, но донесение Засыпкина в Тифлис помощнику по гражданской части Наместника на Кавказе, относительно пассивности начальника области Михайлова и нерасторопности главы местных жандармов Воронина в деле борьбы с террором на Кубани, возымело действие и даже нашло одобрение со стороны Мицкевича, который дал ему ход. В урочный час Иустин Васильевич представил наместнику на Кавказе донесение из Екатеринодара и от себя добавил, что по некоторым данным Михайлов потакает «рвOLUTIONерам», отчего безнаказанно совершаются гнусные злодеяния. Народ, дескать, ропщет и требует твердой руки, желательно из «истых» кубанских казаков, вот и весь сказ. И Воронцов-Дашков внял доводам своего помощника. Собственно, он и сам еще год назад пришел к мысли об отстранении Михайлова от должности начальника Кубанской области. Имелась и кандидатура на замещение сей должности, да еще и какая! Но не хотел отрывать от себя, ибо весьма ценной фигурой являлась подле него, на Кавказе. А мужественных и преданных ему людей Илларион Иванович ценил. И когда уже совсем смирился с удалением от себя верного сподвижника, военные бюрократы из Петербурга притормозили дело, черт их подери! Теперь же пришел тот день, когда на самом веру все должно разрешиться в нужном ключе. Несмотря на несколько прохладные отношение к нему со стороны государя, Илларион Иванович, не без содействия Мицкевича, составил важную бумагу и отправил в Царское Село.

«Ваше Императорское Величество.

Крайне тяжелое положение, в котором находится в настоящее время Кубанская область,

где грабежи, насилия и акты террора сделались обыденным явлением, побудило меня войти с ходатайством к Военному Министру о безотлагательной замене начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Михайлова другим лицом, так как причину всего происходящего в области, по моему мнению, является недостаточно умелое управление таковою названным генералом.

Для замещения генерала Михайлова выбор мой остановился на занимающем ныне должность губернатора Карской области, генерал-лейтенанте Бабыче. Будучи природным казакон кубанским и прослужив в должности старшего помощника начальника Кубанской области семь лет, генерал Бабыч не только основательно знаком с условиями жизни и нуждами казачьего и неказачьего населения области, но благодаря своему такту и отличным административным способностям снискал всеобщую любовь и уважение как казаков, так и иногородних, среди которых имя его пользуется заслуженной популярностью.

Кроме того, генерал Бабыч человек решительный, энергичный и способный; он это доказал в тяжелое время смут 1905 года, когда появляясь везде, где только угрожала опасность, твердыми и решительными мерами предотвратил беспорядки и восстанавливал законную власть.

Между тем высшая аттестационная комиссия, на рассмотрение которой поступило мое ходатайство о генерал-лейтенанте Бабыче, дважды отказала в испрашиваемом мною назначении по единственной причине, что генерал Бабыч — казак Кубанской области.

Но, Ваше Величество, именно на этом и основывается мое представление! Нельзя поручать управление области в такое горячее время лицу, с нею незнакомому и ей неизвестному. Нет времени знакомиться с управлением краем, с его особенностями, с характером разнородных его жителей. Надо действовать, а для этого надо знать. Весь вопрос в том, верно ли я определяю личность Бабыча как человека, вполне честного, не знающего кумовства? Ежели я в этом не ошибаюсь, то его происхождение является громадным преимуществом.

Должность начальника Кубанской области есть, главным образом, должность административная. Поэтому, казалось бы, для высшей аттестационной комиссии, ведающей, главным образом, строевыми назначениями, слишком затруднительно рекомендовать подходящее лицо для занятия означенной должности. С другой стороны, я могу отвечать за спокойствие Кавказского края только в том случае, если не буду лишен возможности выбирать на столь ответственные должности, как должность областного начальника, лично мне известных администраторов, на которых и мог бы опираться в таком сложном деле, как управление Кавказским краем.

К Вам, Государь, обращаюсь за помощью: Повелите назначить Бабыча наказным атаманом на Кубани. Более подготовленного на эту должность лица я не знаю. Да и едва ли имеется, а Бабычу верят казаки. И я ему верю.

Вашему Величеству душою преданный,
И. Воронцов.

Тифлис, 23 января 1908 года».

...А в Царском Селе государь император Николай Александрович с августейшей семьей в воскресенье 3 февраля сходили к обедне, вернувшись, завтракали одни. Потом он с детьми разгребал снег у Александровского дворца, а потом после чая много читал. Обедал вдвоем с государыней Александрой Федоровной, после чего играл с начальником Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии князем Владимиром Николаевичем Орловым на бильярде долго и успешно. Прежде чем отойти

ко сну, государь зашел в рабочий кабинет выкурить папироску. Увидев на столе стопу документов, представленных на утреннем докладе, вдруг вспомнил, что наложить резолюцию на ходатайстве Кавказского наместника позабыл, ибо отвлекся на заглянувшего в кабинет трехлетнего наследника престола. Милый Алеша, бедный больной мальчик! Все дела в один миг вылетели из головы...

Государь взял ходатайство Воронцова-Дашкова, лежавшее поверх всех бумаг, быстро пробежал его глазами и начертал карандашом в левом углу наискось: «Быть по сему. Николай». Загасив в пепельнице наполовину выкуренную папиросу, отправился почивать с чувством выполненного долга.

...25 февраля вновь назначенный начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч въехал в Атаманский дворец. А пока он добирался из Карса в Екатеринодар, Засыпкин продолжал чистить город: он решил всецело покончить с анархистами всех мастей.

5 февраля филеры выследили на Дубинке казака Георгия Видинеева (по имеющейся информации он примкнул к анархистам). Городовые, наученные горьким опытом, взяли его быстро и без шума. При личном обыске забрали два револьвера и два «вымогательных» письма с требованием денег от имени «Летучего боевого отряда группы анархистов-террористов», вот как! Федор Андреевич час-другой побеседовал с Видинеевым, и тот назвал двух своих товарищей-анархистов. К вечеру городовые притащили в «охранку» членов Екатеринодарской группы «Анархия» Никиту Карабута и Якова Коваленко, у каждого изъяли по револьверу. История повторилась: Засыпкин поговорил с ними «за жисть», те долго отнекивались и, когда Федор Андреевич посулил загнать их в Зерентуйскую каторжную тюрьму, назвали еще двух анархистов — Иосифа Маевского и Василия Сытина (он же Александр Борисов). Их тоже взяли без проволочек, причем, у последнего при обыске был найден заряженный браунинг и «документы, уличающие в

революционной деятельности», как указывалось городовыми в протоколе.

Когда городовые притащили обоих на Котляревскую, Засыпкин уже падал с ног от усталости, но решил «доработать» анархистов, при этом не отказав себе в удовольствии произвести некий театральный эффект, имея склонность к лицедейству.

— Quoousque?! — бешено заорал он на латинском и замахнулся на Маевского и Сытина. Те опешили и непроизвольно втянули голову в плечи, ожидая худшего.

— Чаво? — испуганно переспросил Маевский, прикрывая лицо от возможного мордобития и глядя на Засыпкина глазами первых христианских мучеников.

— Доколе, мать вашу?! — своеобразно перевел свой же вопрос Федор Андреевич и с грохотом опустил кулак на стол, да так, что чернильница подлетела на пять вершков. Поймав ее в воздухе и водрузив на место, он уставился безумными глазами на анархистов, завораживая их, будто удав кролика.

Анархисты молчали, не отрывая взгляда от Засыпкина.

— Ну, сукины дети, отвечайте, — едва слышно прошипел он, — и не гневите Бога. Где остальные дружки, а?

— Барин, не погубите! — оба негодя бросились в ноги Засыпкину и, перебивая друг друга, принялись сдавать за здорово живешь всех известных им в городе анархистов. Сидевший за столом Тимошенко едва успевал заносить их фамилии и адреса в карманный block-notes.

Еле сдерживаясь от смеха, ротмистр Караулов шепнул на ухо заведующему «охранки»:

— Отменно сработано, Федор Андреевич.

Засыпкин только усмехнулся в усы: «Барин!» А потом сделал умозаключение: «Определенно, какой великий артист во мне погибает!»

...Уже в третьем часу ночи городовые и филеры во главе с Тимошенко ворвались в номер гостиницы «Россия», где застали врасплох спящего с девкой Самсона Самсонянца, занесенного в block-notes под первым номером. Не успевшего

продрать глаза анархиста вмиг свинтили с кровати, а перепуганную донельзя девку заставили одеться и, пожуриив, выпроводили вон. Под подушкой нашли заряженные маузер и парабеллум, а в карманах пиджака на спинке стула — россыпью 47 патронов и мастичную печать «Кавказская летучая группа анархистов-террористов». Все улики, стало быть, имелись налицо.

Через день, отоспавшись и посвежев лицом, Засыпкин с обоими своими помощниками, прихватив городовых и сверившись с записями в block-notes Тимошенко, в полдень посетили «Нумера для приезжающих» на углу Екатерининской и Борзиковской. Там в одном из «номеров» они застали любопытную картину: местный мещанин Иосиф Мириманов и житель Тифлисской губернии Алексей Наникашвили, сидя за столом и позабыв обо всем на свете, яростно резались в карты, очевидно, на деньги, ибо перед каждым игроком лежали сторублевые кредитные билеты (потом, при пересчете, оказалось аккурат тысяча рублей). Оружия у картежников не оказалось, и Федор Андреевич прямо на месте учинил им допрос с «театральным эффектом», как он это умел. Выяснилось, что эти деньги они экспроприировали у Василия Бондаренко, управляющего магазином резиновых галош и кожаных товаров, что на Красной улице, 59.

...Управляющий магазином, одетый по последней моде, чисто выбритый и без меры надутый одеклоном «Ле Глаель», с щегольской стрижкой «а-ля Капюль», с усердием колупал в носу, словно пытаясь обнаружить там некую экзотическую вещь, когда к нему нагрянула честная компания Засыпкина. Он даже не удивился неожиданному визиту полиции, и поведал, что намерен грабители угрожали ему лютой смертью, требуя «тыщу рублей», отчего он и не стал заявлять в полицию. Узнав, что оба негодя задержаны, а все деньги у них изъяты и в целости, Бондаренко невероятно обрадовался и в знак искренней благодарности предложил Федору Андреевичу за полцены приобрести отличнейшие галоши, от которых тот, впрочем, учтиво отказался. И паче чаяния обрадованный возвратом

денег модник вспомнил, что вдругорядь с «вымогательным» письмом на двести рублей к нему приходил еще один «рэволюционер» Михаил Подольский, и даже указал его адрес жительства, ибо тот был постоянным клиентом.

Когда стражи благочиния и порядка заявили на Насыпную улицу в дом Подольского, тот, предупрежденный супругой, от греха подалше спрятался в платяной шкаф. Пришлось его оттуда выковыривать как моллюска из раковины и, надавав тумачков, по распоряжению Засыпкина отвести в полицейский участок. Федору Андреевичу и двух минут беседы хватило, чтобы понять: не политическое дело, видите ли, а пустяк, заурядная уголовщина. Пройдоха выдавал себя за «рэволюционера», будучи наслышан об экспроприациях в городе, и решил отломить себе кусок от пирога, дубина стоеросовая.

Утром 7 февраля Федор Андреевич был проинформирован о месте тайного совещания членов Кубанского областного комитета социал-демократической партии. Поскольку он планировал очередную операцию в отношении анархистов, то поручил Караулову с Тимошенко взять эсдеков врасплох и тихо. Так все и обернулось: вечером того же дня в помещении профсоюза печатников на Соборной улице, 9, без единого выстрела были задержаны 17 участников сходки, в том числе и секретарь комитета Владимир Александрович Старосельский. При обыске в его квартире неожиданно обнаружили письмо, написанное рукой Его сиятельства графа Воронцова-Дашкова: «Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович!..». Скажите на милость, письмо от наместника на Кавказе!

О случившемся тотчас доложили Засыпкину. Он знал Старосельского, но не близко – с июля 1905 года по январь 1906-го тот занимал пост Кутаисского губернатора. Дурная слава давно ходила о нем, поговаривали, что снюхался с социал-демократами и «покраснел», а Кутаисское ГЖУ, сомневаясь в его политической благонадежности, несколько раз провело обыски в его квартире, впрочем, не давшие положительных результатов. Дошло до того, что сам государь на-

звал Старосельского «настоящим революционером». Вестимо, после этого Старосельский был отстранен от должности и даже некоторое время пребывал в Тифлисе под домашним арестом, но недолго. Потом вдруг его имя всплыло в Лондоне на очередном съезде РСДРП. Дела! Некоторое время о нем ничего не было известно: ходили слухи, что бывший Кутаисский губернатор затерялся где-то на Кубани. И вот – на тебе, всплыл в Екатеринодаре! Да еще и в качестве руководителя областного комитета РСДРП! Федор Андреевич не знал, радоваться ли ему задержанию Старосельского или, наоборот, огорчаться. Почерк Его сиятельства он хорошо знал... На всякий случай Засыпкин о задержании Старосельского доложил Михайлову, который до приезда Бабыча продолжал исполнять должностные обязанности начальника области. И закрутилась-завертелась история, в которой Федор Андреевич уже мало что понимал...

9 февраля он отправил «по положенности» запрос помощнику по гражданской части наместника на Кавказе Мицкевичу о возможности ареста Старосельского. Но тот разрешения не дал и потребовал представить документы, уличающие Старосельского в неблагонадежности и, в свою очередь, о задержании в Екатеринодаре бывшего Кутаисского губернатора, с ведома наместника на Кавказе, доложил министру внутренних дел. 12 февраля Столыпин отправил в Тифлис телеграмму: дескать, государь надеется, что Старосельский уже арестован (стало быть, Петр Аркадьевич поставил императора в известность о задержании). 14 февраля Мицкевич запросил Засыпкина, арестован ли Старосельский на основании имеющихся у вас данных? Вот те раз! На следующий день Засыпкин ответил: не арестован, ждем указаний на сей предмет. Мицкевич кинулся было к наместнику – необходимо телеграфировать Столыпину, что вопрос об аресте Старосельского положен на усмотрение министра внутренних дел. Но Его сиятельство граф Илларион Иванович отмахнулся и занял выжидательную позицию.

Понимая, что он уже ничего не понимает,

Засыпкин нажал на Михайлова, мол, дело государственной важности, и убедил его прямо спросить у Воронцова-Дашкова: нет ли каких-либо препятствий для ареста Старосельского? И Михайлов, которому, собственно, уже нечего было терять, поддался на уговоры и телеграфировал заместнику. Только 21 февраля тот посчитал своим долгом все-таки дать разрешение на арест. Однако накануне в квартиру Старосельского, находящегося под надзором полиции, тайно явился неизвестный доброжелатель и сообщил, что его хотят арестовать. Старосельский немедленно покинул место проживания, перешел на нелегальное положение и по-тихому покинул Екатеринодар, держа путь в Петербург. Из столицы на пароходе он добрался в Гельсингфорс, а оттуда — в Париж. К счастью для Засыпкина, в Тифлисе вины за ним не признали: 9 сентября 1909 года в отставку был отправлен Иустин Васильевич Мицкевич. Однако...

Федор Андреевич никогда не был сторонником закулисных интриг, предпочитая играть в открытую, и хорошо усвоил этот урок. С сильными мира сего держал дистанцию.

***

Пока шла «Старосельская эпопея», Засыпкин планомерно охотился на анархистов. По его распоряжению 12 февраля помощник пристава 1-й части городской полиции Иван Никифорович Курочка с городскими в одном из домов на Ярмарочной улице задержали сбежавшего из Армавирской тюрьмы Андрея Солодкова. При обыске в доме обнаружен манифест «Екатеринодарской группы анархистов-коммунистов», в котором провозглашалось беспощадное уничтожение наиболее вредных для освободительного движения элементов, к каковым были отнесены все областные власти (от ее начальника до атаманов отделов включительно), а также «цепные псы самодержавия» и «царские сатрапы», то бишь чины полиции и жандармерии. Федор Андреевич до конца потянул за эту ниточку, в результате была ликвидирована одна из наиболее дерзких местных групп анархистов-коммунистов

численностью тринадцать человек, в том числе совершившие убийство в Армавире атамана Лабинского отдела полковника Кравченко. Это была несомненная удача!

В тот же день был взят с поличным турецко-подданный Георгиос Мирониди, у которого нашли более двухсот боевых патронов к браунингу. А днем позже в управление 1-й полицейской части на Базарной пришел местный мещанин Ефим Купцов и заявил, что накануне к нему в собственный дом на Пластуновской улице явились двое, представившись анархистами-коммунистами из группы «Мстители», и потребовали денег — две тысячи рублей. Купцов посетовал, что при себе такой суммы нет, и вымогатели пообещали прийти завтра. О деле «политического характера», сообразно распоряжениям Засыпкина, сразу же доложили лично ему. Федор Андреевич вызвал пристава той части Кузнецова и обговорил с ним детали операции.

С утра следующего дня в доме Купцова устроили засаду, но на сей раз без эксцессов не обошлось. Около 10 часов, подходя к дому, анархисты увидели через окно одного из городских, неловко прятавшегося за дверью и открыли стрельбу из револьверов. Из дома выскочили четверо городских во главе с Кузнецовым и ответным огнем буквально изрешетили обоих. Убитые были опознаны как «мстители» Алексей Денисенко и Иван Кольцов (разыскивался с осени прошлого года), входившие в «Летучую партию анархистов-коммунистов». Сбежавшиеся на звуки пальбы соседи и зеваки стали шумно обсуждать случившееся, причем атмосфера все более накалялась. Пришлось приставу повысить голос и пригрозить нарушителям благочиния и порядка применением мер административного свойства. Страсти улеглись: будучи сознательными и законопослушными, екатеринодарцы разошлись с места происшествия еще до прибытия судебного следователя.

По докладу Кузнецова о случившемся Засыпкин удовлетворения не выразил — негодяев надо было брать живыми, и попенял приставу на просчеты в проведении операции — благо, что

все ее участники не получили ни единой царапины и показали сноровку при использовании оружия. Тем не менее, он привычно занес в свой «гроссбух» очередные статистические данные о ликвидированных «политических». Но без особой радости: интуиция подсказывала ему, что война с анархистами продолжается. Мало того, они были озлоблены тем, что их ряды тают день ото дня. Надо ожидать ответного демарша. Вот только где и когда? Федор Андреевич даже не особо удивился, когда через день произошел громкий террористический акт, всколыхнувший не только Екатеринодар, но и всю Кубанскую область, докатившись до самого Тифлиса.

В полдень 15 февраля на углу Красной и Штабной в канцелярию директора народных училищ Кубанской области, статского советника Григория Малаховича Шкиля зашел неизвестный молодой человек среднего роста, с маленькими черными усами, одетый в темное пальто и барашковую шапку. Он справился у писарей, у себя ли директор, и бесцеремонно прошел к нему в кабинет. Через несколько минут в кабинете раздался выстрел, и бросившиеся туда писари увидели Шкиля лежащим на полу в луже крови с огнестрельной раной в голове. Держа в руке револьвер и угрожая писарям, убийца сбежал по лестнице вниз. На улице он вскочил на извозчика и, сунув ему под нос револьвер, приказал себя везти, но возница проворно соскочил с козел и во всю прыть унес ноги, а убийца забежал во двор дома № 52 на Красной улице, откуда перелез через забор в соседние дворы и скрылся. В кабинете убитого было обнаружено письмо на имя Шкиля от «Екатеринодарской группы анархистов-коммунистов» с требованием трех тысяч рублей.

К вечеру на улицах Екатеринодара, в общественных местах и даже увеселительных заведениях горожане стали находить листовки:

«Ко всем трудящимся!

15 февраля сего года в 12 часов дня в своей канцелярии казнен анархистом Екатеринодарской группы Северо-Кавказского Союза директор народных училищ Кубанской области Шкиль.

Объявляя об этом во всеобщее сведение, мы, анархисты-коммунисты, заявляем, что террор был применен к Шкилю после того, как он отказался оставить по требованию анархистов ответственную должность директора и уплатить группе 3000 рублей. Об этих двух требованиях он был поставлен в известность за две недели раньше. Оба эти требования были предъявлены анархистами-коммунистами по двум причинам:

1) Стоя во главе народных училищ обширной области, Шкиль, как яркий черносотенец, в корне вредил народному образованию, и

2) Являлся довольно крупным буржуа-капиталистом.

Долой политическую, экономическую и моральную зависимость!

Смерть властям, буржуа и попам!

Да здравствует террор!

Да здравствует анархизм-коммунизм!»

...Засыпкин объявил общий аврал и, собрав чинов полиции и жандармерии, ознакомил их с приметам террориста и всех бросил на розыск по «горячим следам». Для Тимошенко и филеров была поставлена задача по наружному наблюдению, а Караулову — по секретной агентуре. Забросив невод, Федор Андреевич принялся терпеливо ждать улов. В глубине души он укорял Шкиля за неоправданное мужество, а быть может, и легкомыслие: если верить листовкам, негодяи предупредили его еще две недели назад, почему он сохранил это в тайне, не поставив в известность полицию или жандармов? Учинили бы в его канцелярии засаду и сохранили жизнь директору, закрепив за ним охрану до полного разгрома анархистов. Впрочем, поздно об этом рассуждать...

Вскоре на Котляревскую городовые притащили екатеринодарца Егора Нича, в слесарной мастерской которого обнаружили несколько револьверов и немного патронов. Засыпкин лично занялся им, но вскоре перевел дух: нет, не он, да и не молод был слесарь — шестой десяток разменял. Дабы Нич впредь не докучал, передал его для официального допроса и производства дознания в КОЖУ, другу сердечному Воронину.

К вечеру доставили еще одного — Тихона Еременко: в его слесарной мастерской также нашли несколько револьверов и свыше тысячи патронов. И вновь Засыпкин коршуном налетел на заподозренного, пытаясь заморочить голову каверзными вопросами. Но нет, тоже не он — не молод, да и борода всю картину портила. Заведующий охранным пунктом даже подергал за бороду, не приклеил ли мастерской театральные реквизиты? Видать сильно дергал, ибо Еременко аж взвыл. Чтобы как-то унять напряжение, Федор Андреевич упрекнул слесаря, от которого разлило винным духом:

— Да ты пьян, мерзавец!

— Нисколько, Ваше высокоблагородие, — с испугу соврал Еременко, — уж месяц минул, как в последний раз помочил губы водкой, вот те крест!

Лучше бы не лгал. От злости Засыпкин двинул ему в ухо да и приказал городовым сопроводить слесаря тоже в КОЖУ, чтоб Модест Ильич без работы не остался.

...Десять суток метался Федор Андреевич по городу, забросив иные дела и не давая спуска полиции и жандармам своими распоряжениями, стал путать день с ночью. Но результата не было — как в воду убивец канул. А вот агентура ротмистра Караулова экстренно сообщала, что содержатель меблированных комнат «Александрия», что на Ростовской улице, 133, казак Иван Пичка предложил анархистам за пять тысяч рублей заманить Засыпкина в названное заведение и передать в руки террористам. Стало быть «инкогнито из Тифлиса» оказалось раскрытым. Что ж, если угодно, поиграем в открытую...

17 февраля Караулов проинформировал, что группа «Анархия» постановила, во что бы то ни стало убить члена Кубанского областного статистического комитета инженера Николая Федоровича Майгуру и диакона Дмитриевской церкви Афанасия Ширая. Обоих Засыпкин благовременно предупредил и настоятельно рекомендовал выехать из города на три—четыре недели. Что касается, собственно, своей судьбины — страха у Федора Андреевича не было, чай, не впервой,

лишь обострилось чувство осторожности и осмотрительности. А еще он понимал, поскольку негодяи вывели, кто стоит за всеми арестами их сообщников, стало быть, началась охота на него самого. Меж тем городское общество уже не на шутку стало возмущаться бездействием полицейской и жандармской властей (обывателям и неведомек было, что все силы политического сыска в Екатеринодаре сосредоточены в охранном пункте). Последовали многочисленные коллективные жалобы Михайлову, который уже и вовсе отстранился от всех дел, дожидаясь скорейшего прибытия своего преемника.

Понимая, что, бросив все силы на розыск убийцы Шкиля, он развязывает руки оставшимся без внимания другим террористам (своих-то филеров налицо было всего пять, включая Тимошенко), Засыпкин несколько раз просил тифлисское начальство прислать подмогу, сетуя на особую важность дела по раскрытию убийства директора народных училищ, но безрезультатно. Наконец, он решил прыгнуть через голову и 26 февраля телеграфировал директору департамента полиции Трусевичу, несколько сгустив краски: «Отсутствие наружного наблюдения лишает возможности быстрой установки и ликвидации лиц, входящих в состав анархистов-коммунистов. Затяжка может повлечь несколько убийств. Прошу экстренного командирования в мое распоряжение хотя на непродолжительное время филерского отряда человек восемь». Трусевич отреагировал как должно, и 3 марта из Тифлиса в Екатеринодар отправилось требуемое количество филеров. Вплоть до 18 апреля они по распоряжению Засыпкина «обследовали» Северо-Кавказскую группу анархистов-коммунистов, выявив и задержав при непосредственном участии заведующего охранным пунктом двадцать три ее активных члена. Помощь сработала...

Федор Андреевич настолько был поглощен своей служебной деятельностью, что даже пропустил приезд и вступление в должность начальника области и наказного атамана Бабыча. И лишь когда ему телефонировали из Атаманского дворца и, возвав к совести, призвали на аудиенцию,

он несколько пришел в себя. Осунувшийся, с воспаленными красными от бессонницы глазами, но тщательно выбритый и подтянутый, он явился к генерал-лейтенанту Бабычу. Несколько минут общения без официоза с Михаилом Павловичем, 64-летним «истым казаком», вполне хватило для уяснения — этот человек ничего не утрашит. Облаченный в синюю черкеску поверх алого бешмета седовласый генерал, с аккуратно подстриженной бородой, имевший за своими плечами как большой опыт военных кампаний, так и административного управления, казалось уже только своим присутствием источал само мужество и хладнокровие. Он принял Засыпкина с радушием и внимательно выслушал все его чаяния и предложения, заверив в полной поддержке относительно искоренения террора и крамолы. Супруга генерала милейшая Софья Иосифовна (на четверть века моложе мужа, родившая ему двух дочерей), пригласив мужчин к чаю и потчув их домашними пирогами собственного изготовления, очаровала Засыпкина своей природной скромностью и благовоспитанностью, умением поддержать серьезный разговор, далекий от женской повседневности. На прощание она, памятуя о его временном холостяцком быте, без стеснения по-свойски вручила гостю пирог, завернутый в расшитый узорами рушник. Завидев нерешительность Засыпкина, Михаил Павлович хитро ему подмигнул: «Не стесняйтесь, Федор Андреевич. Казаки говорят — идэш на дэнь, быры хлиба на нэдилю!» И все дружно рассмеялись. На этот раз, покидая Атаманский дворец, Засыпкин знал точно: в Бабыче он приобрел не только надежного сподвижника, но и доброго товарища...

Тем временем потерявшие осторожность анархисты 3 марта явились в дом к вдове директора Шкиля — Евгении Дмитриевне и потребовали у нее деньги — все те же три тысячи рублей, при этом угрожали бедной женщине убийством. Та не испугалась и, хотя была в глубоком трауре по убиенному супругу, проявила смекалку, сказав им, что соберет и передаст деньги 5 марта, а сама заявила в полицию. В назначенный день За-

сыпкин с утра устроил возле дома вдовы засаду, разместив в ближайших дворах городских и филеров. Пришедшие за деньгами около 10 часов, анархисты оказали отчаянное сопротивление, открыв беспорядочную стрельбу. В результате перестрелки трое анархистов были легко ранены и один убит, городские же и филеры не пострадали. Раненых анархистов отвезли в ближайшую больницу, оказали первую помощь, а потом за них взялся Федор Андреевич. Через два дня по городу вновь стали появляться листовки, за подписью «Екатеринодарской группы Северо-Кавказского Союза анархистов-коммунистов», одну из них принесли заведующему охранным пунктом. Тот с любопытством ознакомился с ее содержанием:

«5 марта у дома казненного анархистами-коммунистами Шкиля царскими собаками была устроена засада. Четверо из наших товарищей пали жертвами гнусного предательства Шкиль, хотя она и давала нам честное слово, что не будет своры полицейских собак.

Кровь за кровь!

Объявляем беспощадный террор всем, кто заграждает путь народного освобождения».

Федор Андреевич только усмехнулся: тщательно «поработав» с захваченными анархистами, он уже планировал операцию по задержанию убийцы Шкиля — Федота Данилова (он же Лука Чуйков, он же Дмитрий Лукьянов). А агентура Караулова дала любопытные сведения, впрочем, радости не вызвавшие. Одним из ближайших подельщиков Федота Данилова является Иван Шеремет — именно он 3 марта вымогал деньги и угрожал Елене Дмитриевне Шкиль, а 5 марта участвовал в перестрелке у ее дома, но успел скрыться. Нынче он с Даниловым отсиживается где-то на Покровке, но утром 8 марта собирается переехать к кому-то в «адрес» на Динской улице. Так вот, самым интригующим в агентурной информации являлось то, что еще в ноябре 1907 года Шеремет был задержан полицией на улице и обыскан по подозрению в принадлежности к грабительским группам. У него безусловно должен быть обнаружен револьвер, однако таково-

го пристав 1-й части Илья Величко не нашел — результат взятки! Шеремет содержался в кордегардии при полиции, а анархисты на подкуп в управлении 1-й полицейской части ассигновали деньги для организации его побега оттуда. Через день Шеремет успешно бежал, но был задержан спустя двое суток, и бывший начальник области Михайлов выслал его за пределы Кубани. А 21 декабря анархисты убили пристава Величко, якобы случайно. В начале нынешнего года Шеремет вернулся в Екатеринодар и вновь примкнул к Данилову.

Времени проверять агентурную информацию относительно Величко уже не оставалось. Да и нужно ли? Засыпкин решил не тревожить память о приставе, приняв во внимание, что погибель свою он нашел на службе...

Субботним утром 8 марта около 10 часов по Гимназической в направлении к Динской, ничего не подозревая, шествовали Федот Данилов со своим собратом по оружию Иваном Шереметом. Данилов сбрил усы, но был в том же пальто и шапке, что и во время убийства Шкиля. Их аккуратно, поодаль, сопровождали заведующий наружным наблюдением Иван Тимошенко с филером Григорием Печкой. А на пересечении улиц, спрятавшись за угол дома, анархистов поджидала вторая группа филеров: Иван Негоднов, Андрей Баланцев, Александр Серокуров и Тихон Похилько. Когда анархисты натолкнулись на них на перекрестке, Данилов успел выхватить браунинг, но подоспевший Тимошенко сзади схватил его за руки и повалил на землю. То же самое проделал с Шереметом и Печка, не дав анархисту выстрелить из нагана. Филеры второй группы быстро скрутили задержанным руки прихваченными ремнями и погрузили на двух извозчиков, заранее приготовленных и подогнанных городовыми, после чего доставили в полицейскую часть. Вся операция заняла не более одной минуты. Зеваки остановились было поглазеть, как здоровые мужики барахтаются в грязи, да городовые быстро их отправили восвояси. В полиции обоих анархистов заковали в кандалы и под усиленным конвоем казачьей полусотни отправили в Екате-

ринодарскую областную тюрьму.

...С большим удовольствием и нескрываемым торжеством Засыпкин принял доклад Тимошенко о задержании душегубца и даже позволил себе выпить с заведующим наружным наблюдением по рюмке водки — заслужили! 5 апреля Временный военный суд Екатеринодара приговорил Федота Данилова, виновного в убийстве Шкиля, к смертной казни через повешение. Ивана Шеремета и Семена Еремченко за разбойное нападение на вдову Шкиля — также к повешению. Еще двух участников нападения на вдову — соответственно к десятилетней каторге и тюремному заключению на тот же срок. Ранним утром 11 апреля приговор о смертной казни был приведен в исполнение...

После того как был схвачен убийца Шкиля, Засыпкин надеялся немного передохнуть, но не тут-то было. Вечером 9 марта прямо в центре Екатеринодара на Красной произошло настоящее сражение между полицейскими и эсерами-максималистами. А случилось все так. Один из представителей торгового люда Юхим Мусесов случайно встретил на улице неких Петра Булгакова и Сергея Шевченко, накануне приходивших к нему в лавку и потребовавших большую денежную сумму — срок дали два дня. Опознав вымогателей на улице, торговец кинулся в 1-ю полицейскую часть на Базарную, где поведал о случившемся приставу Сергею Кузнецову. Взяв четверых городовых, тот выдвинулся на Красную, где Мусесов скрытно указал на вымогателей. С наскака их взять не удалось, те сразу открыли стрельбу. Минут пять длилась перестрелка, в результате пристав Сергей Кузнецов и старший городской Петр Зинченко были убиты на месте, а младший городской Евгений Вдовенко смертельно ранен. В тот весенний воскресный вечер на главной городской улице было много людей — десять зевак, не успевшие укрыться от пуль, получили различные ранения. Убийцы попытались скрыться, но их стали преследовать городовые Сазонов и Кривобоков, раненный в ногу. Булгаков был ими убит, а в Шевченко городовые всадили восемь пуль, вскоре тот скончался на месте...

На следующий день 10 марта начальник области Бабыч после доклада Засыпкина о важном происшествии подписал и опубликовал во всех газетах «Обязательное постановление для города Екатеринодара и его окрестностей, изданное на основании Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении». В нем, в частности, указывалось:

«Ввиду непрекращающихся террористических действий со стороны злонамеренных лиц, до полного очищения города от разных видов убийц, грабителей и разбойников, объявляю во всеобщее сведение:

1) Безусловно воспрещается выход на улицы от восьми часов вечера до четырех часов утра;

2) Воспрещается хождение по улицам группами; ходить вместе разрешается не более как двум взрослым (исключаются лишь маленькие дети);

3) Так как на улицах будут производиться обыски подозрительных лиц, — беспрекословно исполнять распоряжения полиции и войск;

4) Ворота, калитки, проезды в запрещенное время должны быть заперты и открываться лишь по требованию полиции и жандармской власти;

5) Немедленно сообщать полиции о всех подозрительных лицах, проживающих в их домах, квартирах, меблированных комнатах, номерах, гостиницах и т.п.;

6) Виновные в нарушении сего Постановления будут без снисхождения наказываться штрафом до 3000 рублей или арестом до трех месяцев».

Кроме того, начальник области призвал всех представителей торгового сообщества Екатеринодара впредь отказаться от выплат вымогателям денежных сумм и немедленно сообщать в полицию или жандармское управление о случаях вымогательства.

Очень быстро последовала ответная реакция. В тот же день в Атаманский дворец доставили по почте письмо, подписанное «Северо-Кавказским союзом анархистов». В нем сообщалось о вынесении смертного приговора генералу Бабычу, полковнику Засыпкину, приставу Кузнецову, уряднику Жуковскому, начальнику тюрьмы Шпилевому и тюремному надзирателю Андрее-

ву. Вероятно, Кузнецов попал в список «смертников» от недостатка доподлинной информации у террористов, ибо накануне он погиб.

А по Екатеринодару стали распространяться листовки с угрозами.

«Ко всем гражданам!

Мы, анархисты-коммунисты Северо-Кавказского Союза, объявляем во всеобщее сведение:

1) Ввиду того, что областной палач и злая царская собака Бабыч пугает буржуазию, чтобы она не платила анархистам денег на революционные цели, предупреждаем всех буржуев, чтобы каждый из них всегда имел в своем доме и магазине от 3.000 рублей до 5, 10 и более тысяч рублей, смотря по капиталу, чтобы по первому требованию и предъявлению нашей печати, уплачивал бы немедленно деньги.

2) Ввиду чрезмерного развития в городе и окрестностях добровольного и за плату шпионства, провокации и доносов, заявляем, что по первому основательному подозрению будем избивать этих гадов».

Вскоре в Атаманский дворец пришло письмо и от социал-демократов.

«Милостивый государь, г. Бабыч!

Если вы не снимете этого дурацкого осадного положения, то имейте в виду, что вы не дождетесь светлого праздника Пасхи. И как бы вы не прятались в своей клетке, но того, что мы решили, вам не избежать. Пусть погибнет из нас несколько человек, но и вам, сударь, не избегнуть. Итак, выбирайте одно из двух: или подавайте в отставку и отменяйте постановление, или ждите страстной недели — она для вас будет памятна. Проект наш и решение уже одобрены.

Ура! Мы избавимся от тирана!»

О полученных письмах начальник области не преминул сообщить заведующему охранным пунктом. Без бравады и вполне серьезно отнесся Засыпкин ко всем угрозам и расторопно прибыл в резиденцию Бабыча, где настоятельно просил Михаила Павловича на некоторое время не покидать Атаманский дворец и усилить охрану. Но тот даже слышать об этом не захотел: ни к лицу, дескать, мне, старому природному казаку, стра-

шиться каких-то бисовых детей («зроду такого нэ було!»), не желаю добровольного заточения во дворце и не могу в своей службе государю руководствоваться принципом – крест в петлицу, а геморрой в поясницу! И даже повысил на Засыпкина голос, доведя тембр до высшего регистра. Но Федор Андреевич ловко прижал Михаила Павловича своими доводами: мол, это продлится не долго, лишь до Светлого Христова Воскресения, которое выпадало на 13 апреля, и дал слово чести. И тогда Бабыч сменил гнев на милость, согласился усилить охрану своей резиденции. Однако от выездов по городу зарекаться не стал – «ховаться нэ буду!». Пришлось Засыпкину снова уговаривать генерала, в случае передвижения по Екатеринодару хотя бы брать в сопровождение не менее двадцати казаков личного конвоя. После жарких споров на том и сошлись.

Теперь надо было подумать и о себе. Террористам известно, кто таков полковник Засыпкин, «инкогнито из Тифлиса», и какова его истинная роль в происходящем в городе противостоянии. Необходимо сменить место дислокации охранного пункта, от греха подальше. И Федор Андреевич заарендовал у заведующего Индо-Европейским телеграфом Франца Ивановича Матэри дом № 35 на Графской улице за плату в 45 рублей ежемесячно, найдя его вполне пригодным для канцелярии «охранки» и для проживания. Туда и перевел охранный пункт с Котляревской, и переехал сам.

...Прошло две недели после издания Бабычем «Обязательного постановления», и в Екатеринодаре ожидаемо воцарились благочиние и правопорядок, пока еще хрупкие. Вдруг прекратились вымогательства, грабежи, экссы, не говоря уже о случаях убийств. Но екатеринодарское общество уже начинало роптать и жаловаться на уж больно стеснительные временные ограничения своих жизненных благ и удовольствий. Дабы не вызывать накал страстей, начальник области 26 марта сократил запретное время выхода горожан на улицу с одиннадцати часов вечера до четырех утра. Вновь увеселительные заведения забурили, заискрились и заиграли новыми красками –

обыватели заторопились в рестораны, театры, синематографы. Словом, жизнь стала налаживаться...

В тот же день 26 марта начальник области назначил полицмейстером Екатеринодара 48-летнего капитана Дмитрия Семеновича Захарова (из казачьих детей Терской области), бывшего заведующего Шурагельским военно-конским участком Карской области. У него имелся небольшой опыт полицейской службы, поскольку полгода, с ноября 1906 года по май 1907 года, исправлял должность полицмейстера Темрюка. Бабыч хорошо знал Захарова по службе в Карской области, потому и остановил свой выбор на нем. Выбор начальника области Засыпкин, разумеется, обсуждать не стал, но не преминул указать новому полицмейстеру на роль городской полиции в деле политического розыска (как в прошлом году Чернику) и, казалось, взаимопонимание на первых порах было достигнуто. Увы, вышло не так...

Случились и другие изменения. В канцелярии заместника на Кавказе считали, что ротмистр Караулов свою миссию в Екатеринодаре выполнил и прикомандировали его к Тифлискому ГЖУ. Отныне управление агентурой ложилось непосредственно на плечи Засыпкина. Впрочем, процесс этот прошел безболезненно – Федор Андреевич отлично знал дело постановки внутреннего агентурного наблюдения. Перед отъездом из Екатеринодара Караулов представил начальнику «охранки» аттестации на всех секретных сотрудников и на словах дал им характеристики. Засыпкин высоко оценивал вклад Александра Васильевича в общее дело.

Наконец, главным событием весны для Федора Андреевича стало признание департаментом полиции роли Екатеринодарского охранного пункта в наведении порядка в городе. ■

(Окончание следует)